

АЛЕКСАНДР КАЗАКОВ

ЛИС СЕВЕРА

БОЛЬШАЯ
СТРАТЕГИЯ
ВЛАДИМИРА
ПУТИНА

Александр Казаков

**Лис Севера. Большая
стратегия Владимира Путина**

«Питер»

2020

УДК 94(470)(092)
ББК 63.3(2)75-8

Казаков А.

Лис Севера. Большая стратегия Владимира Путина /
А. Казаков — «Питер», 2020

ISBN 978-5-4461-1600-3

«Северным лисом» назвал Наполеон, лидер объединенного Запада, Кутузова, прежде чем был наголову им разбит... Владимира Путина двадцать лет обвиняют в том, что у него нет стратегии и уж тем более нет идеологии. Но так ли это? Александр Казаков доказывает, что это не так: есть стратегия, причем изысканная, и есть идеология, причем исторически обусловленная, обращенная в будущее и сама являющаяся стратегическим оружием в мировом противостоянии. «Не раз уже замечено, что Путин с годами становится все более нечитаем, в каком-то смысле неуловим. Александр Казаков предпринял попытку расшифровать Путина едва ли не в самом сокровенном – в большой стратегии. Не знаю, что сам Путин сказал бы по этому поводу, но если Казаков прав, замысел Путина о России стал здесь все-таки прозрачней и яснее. Важна сама попытка автора “вычитать” идеологию из высказываний Путина и его политических жестов – потому что, увы, новейшее время не располагает к прямолинейно проговариваемой идеологичности. Тем не менее, кажется, что Казакову удалось дать ответ тем, кто уверяет, что идеологии у нашего общества нет вообще. Она все-таки есть». Захар Прилепин В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(470)(092)
ББК 63.3(2)75-8

ISBN 978-5-4461-1600-3

© Казаков А., 2020

© Питер, 2020

Содержание

Предисловие	7
Между Римом и Византией	11
Большая стратегия Владимира Путина[3]	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Казаков Лис Севера. Большая стратегия Владимира Путина

*Светлой памяти Первого Главы Донецкой Народной Республики
Александра Захарченко, Героя Донбасса, Героя России, Героя Русского
Мира посвящается...*

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Александр Казаков, 2020

© Фото на обложке РИА Новости, автор Илья Питалев, 2020

Предисловие

Непосредственным мотивом к появлению этого сборника стало 20-летие нахождения Владимира Путина во главе России. Захотелось подвести некоторый промежуточный итог. Промежуточный – потому, что я уверен: основные свершения еще впереди, поскольку всех нас на внешнем контуре ждет новый передел мира, то есть установление нового мирового порядка, а на внутреннем – реализация национальных проектов и, как следствие, смена экономического курса и видимое улучшение благосостояния страны и ее граждан. Вот накануне юбилея мне захотелось обозреть прошедшие двадцать лет и оценить, как изменились Россия и ее место в мире.

Двадцать лет назад, когда Путин пришел к власти, ему досталась страна, лежащая в руинах: разрушенная и оккупированная экономика, разваленная и деморализованная армия, атомизированное и расколотое общество, массовая нищета и ползучая дезинтеграция страны. В международной политике, несмотря на фальшивые белозубые улыбки и лицемерные реверансы, Россия фактически потеряла субъектность. Идеологи и стратеги американской империи, по существу, предписывали России место «большого европейского национального государства», которое должно отказаться от влияния вовне, включая так называемое «ближнее зарубежье» с десятками миллионов соотечественников, и от своей исторической миссии. Эти предписания противоречили цивилизационному коду России, но как раз на это и был расчет – разорвать этот код и «перезформатировать» Россию, разрушить религиозно-нравственную систему координат, «отключить» стремление к «горнему» и сделать для нашего народа доминирующим «земное», низовое и низменное, заразив его потребительским зудом. Все это для того, чтобы лишить нашу страну и наш народ воли к сопротивлению и к тому, чтобы оставаться самим собой без стыда перед потомками и без предательства предков.

На фоне таких исходных позиций к чему мы пришли двадцать лет спустя? Россия успела сосредоточиться и осталась верной самой себе, не пойдя предписанным ей Западом путем. По итогам холодной войны случилась крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, и Россия потеряла свое место в ряду государств «первого эшелона», участвующих в принятии решений. А к 2020 году Россия вернулась в разряд великих мировых держав.

Накануне 20-летнего юбилея мне захотелось ответить на вопрос: как Путин это сделал? Какие навыки, какой инструментарий использовал, чтобы сыграть свою «Большую игру»? Как смог, несмотря на турбулентность на внешних «фронтах» и разруху «в тылу», обеспечить России время на то, чтобы «сосредоточиться», собраться с силами и провести реванш? Поскольку я предметно на протяжении всех этих двадцати лет занимался изучением не только политики России, как внешней, так и внутренней (особенно ее идеологической составляющей), но и личности и идеологии ее верховного правителя, то для начала я достал «старые папки». И с удивлением обнаружил несколько вещей: 1) многое из того, что сегодня формулирует Путин, я смог в свое время предсказать и правильно оценить, хотя и не исключаю, что Путин просто все эти годы не говорил о том, что на самом деле думал, – не время было; 2) многие проблемы, о которых я писал 10 и даже 15 лет назад, так и остались нерешенными, особенно в вопросах идеологического самоопределения; 3) как ни странно, большая часть опубликованных мной за эти 20 лет материалов сегодня недоступна, так как известные и влиятельные в свое время – даже прокремлевские – ресурсы сейчас закрыты (и их архивы тоже). Более того, весь напечатанный в 2008 году тираж моей книжки «Кадры для будущего» был (редкий случай в наше совсем не советское время) полностью уничтожен по неизвестным мне причинам.

У меня с темой «Путин» вообще особые отношения. И начались они 20 лет назад, за три дня до его прихода к власти, то есть 28 декабря 1999 года. Я тогда работал редактором международного отдела в еженедельной русской газете «Республика» в Риге (Латвия). Хорошо

помню, что редакция уходила на новогодние каникулы и в этой связи был организован маленький фуршет. Так вот, произнося тост, я попросил коллег не пропустить новогоднее обращение Ельцина, так как ежедневный мониторинг и анализ ситуации подсказывали мне, что будет мегасенсация. Как вы понимаете, уже в новогоднюю ночь мне начали звонить и спрашивать, откуда я знал (вариант: кто мне сказал). А 30 декабря я прочитал в «Независимой газете» статью все еще премьер-министра Путина «Россия на рубеже тысячелетий», и мне стало ясно, что это не размышления, а тщательно продуманный план действий, обоснованный к тому же идеологически. Я понял, что я в команде Путина.

Что касается появившегося вскоре мема «Who is Mr. Putin?», то он с самого начала вызвал у меня недоумение: Путин же сам рассказал в статье. Которую, кстати, «общественность», в том числе мировая, сначала не заметила, а потом сразу забыла. Именно эту статью я положил в основу своих лекций «Идеология партии Путина», прочитанных летом 2009 года – 10 лет назад! Поэтому было приятно услышать, что Путин сам напомнил об этой статье на Валдайском форуме¹. Кстати, и во вступительном очерке к этому сборнику «Между Римом и Византией», законченному до выступления Путина в Сочи 3 октября этого года, исходной стала та же статья от 29 декабря 1999 года.

Отмечу здесь и еще несколько важных «перекличек» между опубликованными мной от 10 до 15 лет назад материалами и программной речью Путина на Валдае в этом году. Я не раз говорил коллегам, что понимаю Путина – понимаю его логику, разделяю его эмоции, так что эти «переклички» мотивируют меня продолжать изучать Россию Путина и личность самого Верховного.

В статье, которая стоит первой и опубликована 9 января 2003-го по итогам внешнеполитического 2002 года², мне удалось обнаружить за внешней активностью России то, что впоследствии было названо сетевой дипломатией (только в 2008 году) и сетевыми альянсами (только в 2013 году). Включая тот параметр сетевых альянсов, который был сформулирован спустя 10 лет после публикации моей статьи и имеет кардинальное значение для будущих альянсов, а возможно, и для международной политики вообще: «Все международные акторы, которые входят в зоны интересов и влияния имперского центра, являются самостоятельными, суверенными членами коммуникационной системы, в повышении самостоятельного веса и качества которых заинтересован сам имперский центр... Только в том случае, если участники сети обладают самостоятельной ценностью, становится жизнеспособной вся имперская сеть и получает пространство для маневра имперский центр» (из статьи «Путин начал строительство империи нового типа...»). Именно суверенитет, самостоятельная ценность всех участников сетевого альянса делает его эффективным, в отличие от жестко администрируемых «блоков», в которых большинство участников должны жертвовать частью своего суверенитета. Что касается определения у меня места России как имперского центра, то, во-первых, Россия была и остается империей, а во-вторых, Путин об этом сказать не может по понятным причинам, чтобы не нарушить баланс сетевых альянсов, а я могу, так как хочу видеть Россию снова великой. Поэтому я мог написать уже в 2006 году в статье «Путин об империи: опыт дешифровки»: «*Irredenta terra* – неосвобожденная земля. Просто прислушайтесь к своему восприятию Крыма, и вы поймете, что это значит в рамках воображаемой географии».

И еще одну вещь хочу сказать в этом коротком вступительном слове. Меня не раз спрашивали, почему я на несколько лет выпал из публичного пространства: не печатал статьи, не выступал на круглых столах и конференциях. По очень простой причине – с 2014 года я был на войне. Увидев, что происходит в Донбассе, я понял, что это и моя война тоже и что я должен не только писать статьи и сидеть в соцсетях, но и внести свой реальный вклад в борьбу за Рус-

---

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/61719>

² См. статью «Путин начал строительство империи нового типа, организованной по сетевому принципу» в этом сборнике.

ский Мир и Россию против реинкарнации коричневой чумы – неонацизма. Поэтому с осени 2014-го и до 31 августа 2018-го – дня трагической гибели от рук террористов Первого Главы Донецкой Народной Республики Александра Владимировича Захарченко – я был его советником по политическим, информационным и многим другим вопросам. С одной стороны, в Донбассе было не до написания статей, а с другой – там мой опыт, как практический, так и теоретический, пригодился для работы «на земле». Особенно если учесть, что вопросы идеологии и стратегии (прежде всего идеологии и большой стратегии Владимира Путина, которого Александр Захарченко считал своим Верховным) живо интересовали Первого Главу ДНР. Он хотел построить в Донбассе новое общество и новую экономику, своего рода «социализм 2.0», с учетом ошибок прошлого, и надеялся, что его опыт строительства нового государства пригодится России.

Теперь несколько слов о принципе формирования этого сборника. Во-первых, должен признаться, что в процессе его подготовки поменялась не только структура, но и название. Изначально я готовил сборник под названием «Идеология Владимира Путина». Однако когда начал писать вступительные слова к самой ранней статье – «Путин начал строительство империи...», они переросли в большой очерк об истоках стратегического таланта Путина «Между Римом и Византией», который я посчитал более важным и своевременным, а потому общее название поменялось на «Большая стратегия Владимира Путина». Более своевременным в том числе потому, что идеология Путина по-прежнему требует усилий реконструктора, ведь сам Путин отказывается от прямого ее декларирования, а большая стратегия, по крайней мере те ее цели, которые были заявлены на рубеже тысячелетий, уже реализованы и требуют усилий исследователя и интерпретатора. Должен, конечно, предупредить, что в очерке «Между Римом и Византией» я ограничился конспективным изложением. С десяток высказанных в нем тезисов требуют самостоятельного развития. Надеюсь, что в будущем это будет сделано либо мной самим, либо кем-нибудь другим.

Итак, первая часть сборника состоит из очерка «Между Римом и Византией. Большая стратегия Владимира Путина» и статьи 2003 года, когда я впервые «опознал» эту стратегию. Хотелось бы сказать, что в 2002 году я работал редактором международного отдела крупнейшей европейской русской газеты «Вести сегодня» (Рига, Латвия, главный редактор Александр Блинов) и, соответственно, писал два-три материала в день по международной тематике. В том же 2002-м я делал еженедельные обзоры по внешней политике России для ведущего сетевого издания тех лет «Русского журнала» (главный редактор Глеб Павловский). Именно это ежедневное погружение, вплоть до мельчайших деталей протокола и политических жестов, в российскую внешнюю политику создало тот эффект «избыточности информации», о котором я пишу в сборнике и который позволил мне за пестрой картиной повседневной повестки увидеть логику замысла.

Во второй части – «Из старых папок» – собраны различные статьи, объединенные одной задачей – попыткой реконструировать идеологию Путина. Большая часть этих статей писалась по конкретному поводу – мероприятия, выступления. За единственным исключением статьи расположены в хронологическом порядке. Исключение – две реакции на выступления тогдашнего первого заместителя руководителя Администрации Президента В. Ю. Суркова, которого часто называли серым кардиналом Кремля и который на самом деле был создателем и идеологом той политической системы, демиургом которой был сам Владимир Путин. Во вступительных словах к статьям, написанных для данного сборника, я даю несколько характеристик этой политической системы «управляемой демократии», кризис которой мы наблюдаем сегодня.

К нескольким статьям этой части я посчитал нужным написать вступительные слова, другие подобных вступительных слов не требовали. В любом случае все эти статьи явились «подходом» к обобщающему материалу – лекциям по «Идеологии партии Путина», прочитанным мной несколько раз на разных площадках летом 2009 года. Осенью того же года подготовлен-

ные мной лекции собирался публиковать в своем журнале «Политический класс» Виталий Третьяков, однако журнал закрылся вместе с моими лекциями уже в верстке. Спустя год лекции были опубликованы на сайте «Сторонников “Единой России”» вместе с интервью со мной. Правда, впоследствии оказалось, что на этом сайте интервью осталось, а прилагаемые к нему лекции исчезли. Поэтому можно считать, что в этом сборнике они публикуются впервые. И хотя прошло 10 лет, мне кажется, что они не потеряли актуальности. С другой стороны, если бы мне довелось читать эти лекции сегодня, я бы предпочел говорить даже не об идеологии, а о политической философии Путина – это сейчас важнее.

В послесловии «Двадцать лет спустя» я попытался ответить на вопрос: что дальше? В отношении обеих тем сборника – большой стратегии и идеологии, – связанных друг с другом через понятие миссии России, о которой, в свою очередь, я пишу в разных материалах сборника. Кстати, я назвал послесловие так же, как роман Александра Дюма, неспроста. И не зря каждый раз оговариваю, что итоги, подводимые в книге, – промежуточные. Просто напомню, что Дюма потом написал еще один роман с теми же героями... и одним новым: «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя», где молодой виконт оказывается как бы общим духовным преемником всех четверых мушкетеров.

Заканчивая предисловие, хочу выразить благодарность издательству «Питер» и всем его сотрудникам, а особенно Татьяне Родионовой, настойчивость которой подвигла меня на то, чтобы довести разрозненные материалы до состояния отдельной книги и написать новые.

Между Римом и Византией

Большая стратегия Владимира Путина³

Этот сборник задумывался как книга об идеологии Владимира Путина, учитывая тот факт, что центральное место в нем занимают лекции «Идеология партии Путина», однако в процессе подготовки возникла необходимость написать несколько вводных слов к тексту, опубликованному в далеком 2003 году и сейчас фактически недоступному: «Путин начал строительство империи нового типа, организованной по сетевому принципу». И вот при написании этих вводных слов мне стало ясно, что идеология – это важнейшая часть большой стратегии Путина, которая реализуется во внешней политике нашей страны. Более того, поскольку предельной целью любой большой стратегии для России является исполнение миссии, идеология не только входит в большую стратегию как ее часть, но и «встречает» стратега в конце пути, чтобы продолжить движение.

Однако у привередливого читателя все равно может возникнуть вопрос, почему книга, посвященная в основном идеологии Путина, открывается статьей о внешней политике. Ведь мы привыкли к тому – точнее, нас все время убеждают в том, что идеология – это внутреннее дело любой страны, что она определяет (или не определяет) внутреннюю политику и социальный строй. Поскольку вопрос, как я уже сказал, резонный, сразу приведу аргумент, который на поверхности: а либерально-глобалистская идеология, доминирующая в западном мире и прежде всего в Соединенных Штатах, является для США внутренним делом или существенным элементом внешней политики? Можно расширить этот аргумент, добавив к нему историческую перспективу: объединенный Запад выиграл третью мировую или холодную войну против СССР с учетом того, что прямого военного столкновения так и не случилось, за счет каких инструментов давления? Только ли экономических? Или идеологических тоже? Мне лично ответ кажется очевидным. Идеологическая диверсия против Советского Союза была едва ли не главным оружием США, а это значит, что идеология – не только важнейший элемент внутренней политики, но и один из определяющих элементов их внешней политики.

Однако кроме указанных лежащих на поверхности аргументов в пользу того, что внешняя политика – это та область, где идеология не только присутствует и где ее легче распознать, есть и другие, более существенные основания. Тут я хочу привлечь в союзники нашего великого политического мыслителя конца XIX – первой половины XX века Петра Бернгардовича Струве⁴ (1870–1944). Уже во времена революционных потрясений 1905–1907 годов Струве увидел пагубность той пропаганды, которую вели и «банальный радикализм», и «банальное реакционерство»: мол, подлинное содержание государственной жизни сосредоточено во внутренней политике, для которой внешняя политика и внешняя мощь государства являются «досадными осложнениями». Согласно позиции этих «банальных» радикалов и реакционеров, истинное существо государства состоит в его «внутреннем благополучии», которое выражается в сытости его граждан. Понятно, что здесь мы имеем дело с навязчивым пропагандистским приемом «банальных» либерал-радикалов: меняем пушки на масло⁵. Не будем далеко

---

³ Этот очерк является предисловием как ко всему сборнику, так и непосредственно к статье «Путин начал строительство империи нового типа, организованной по сетевому принципу», написанной и опубликованной мной на рубеже 2002 и 2003 годов.

⁴ Струве П. Б. – русский экономист, философ, публицист и общественно-политический деятель. Член II Государственной думы. Редактор-составитель журнала «Русская мысль».

⁵ Либерал-радикалы не случайно используют формулу, которая впервые появилась во второй половине 30-х годов в Третьем рейхе. Правда, из чувства самосохранения они сами не называют источник, когда обвиняют нынешние власти России в

ходить. Вот выступление на «Эхе Москвы» депутата питерского Законодательного собрания от партии «Яблоко» с характерным названием «Пушки вместо масла – девиз четвертого срока»: «Заставьте, господа единороссы, своего президента уйти из Сирии, а заодно – из Украины, и будут деньги на жилье и не только на него»⁶.

Но вернемся к Петру Струве, который обосновывает противоположный взгляд на природу государства и государственную политику. По мнению мыслителя, всякое «сложившееся» государство можно сравнить с личностью, «у которой есть свой верховный закон бытия». Вот как его определяет Струве: «Для государства этот верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, то есть не только юридически “самодержавное” или “суверенное”, но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным – значит обладать непременно “внешней” мощью»⁷. Для Струве этот закон обладал очевидностью аксиомы. Действительно, посреди динамично развивающегося и растущего в непрерывной борьбе мира любое государство стоит перед простым выбором: либо стать сильным, могущественным, а значит, включиться в борьбу, либо избрать игру вторым номером и встроиться в кильватер другого государства, обладающего могуществом. Как справедливо – и сто лет назад, и сегодня – говорит Струве: «Из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в действительности (de facto) добычей для государства сильного»⁸.

Именно такая дилемма стояла перед президентом Путиным в момент его прихода к власти накануне 2000 года. Следовало либо согласиться на то, чтобы стать сателлитом (добычей) более могущественного государства⁹, либо начать борьбу за возвращение России подлинного суверенитета, или «самодержавности», и статуса мировой державы. Сегодня мы все понимаем, какой выбор сделал Владимир Путин, однако в 2000-м – да и в последующие годы вплоть до 2007-го – этот выбор совершенно не был очевидным для наблюдателей прежде всего противной стороны, но и для наших тоже. Отсюда многоголосый хор, который на протяжении нескольких лет исполнял одну ноту: Who is Mr. Putin?

Итак, заняв в конце 1999 года пост премьер-министра и зная, что с большой долей вероятности в обозримом будущем возглавит страну, Владимир Путин, во-первых, увидел себя посреди руин, а во-вторых – принял решение, что России нужен реванш и, соответственно, возвращение великодержавного, а для этого сначала «самодержавного», то есть суверенного статуса. Для того чтобы осуществить задуманное, требовалась стратегия реванша, или большая стратегия, рассчитанная на несколько десятилетий. Это как раз то, чему учили советских разведчиков: планировать с горизонтом в 20–30–50 лет. Так что образование и подготовка у нового президента были как раз подходящими для решения столь масштабных задач. Но что значит «большая стратегия»? Каковы ее основные параметры?

Если очень коротко, то у большой стратегии два основных параметра: 1) она имеет интегральный характер; 2) цели, которые достигаются благодаря ей, находятся в неопределенно далеком будущем. Сначала о втором параметре. «Неопределенно далекое будущее» – это не та линия горизонта, к которой надо все время стремиться, но которой принципиально невозможно достичь. Большая стратегия подразумевает вполне реалистичные и достижимые цели, но это большие цели, соответственно, для их достижения требуется «большое время». В пре-

---

том, что те готовы – в версии либерал-радикалов – ради новых пушек отобрать у граждан России масло.

⁶ Борис Вишневский – https://echo.msk.ru/blog/boris_vis/2157394-echo/

⁷ Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Струве П. Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. М.: Республика, 1997. С. 51.

⁸ Там же.

⁹ На тот момент единственным гегемоном стали США, но и Евросоюз и Китай (один – еще, а второй – уже) могли выступить таким могущественным государством, сателлитом которого, по существу, рисковала стать Россия.

деле – время, выходящее за границы одного или даже нескольких поколений. Что касается категории «неопределенности», то она вполне естественна, так как реализация большой стратегии проходит в конкурентной и даже враждебной среде, где неизбежны «трения» (по Клаузевицу)¹⁰. Проще говоря, реализация большой стратегии, «театром военных действий» для которой является весь мир, неизбежно сталкивается с противодействием других игроков, у некоторых из них тоже есть своя большая стратегия; цели других больших игроков могут прямо противоречить нашим целям. Вот поэтому я говорю, во-первых, о далеком, а во-вторых – о неопределенно далеком будущем. Кстати, каждый локальный успех в реализации большой стратегии приближает достижение конечных целей, как и каждый провал (неуспех) конкурентов, и наоборот.

По поводу целей, достижение которых призвана обеспечить большая стратегия, следует сказать еще пару слов. Не вдаваясь в детали (они выяснятся по ходу разъяснения конкретных шагов Путина в рамках его большой стратегии), должен отметить, что цели не имеют отношения к самой большой стратегии и ставятся высшим политическим руководством исходя из линейной логики здравого смысла (в отличие от логики большой стратегии, которая, как логика конфликта, всегда нелинейна и парадоксальна), как правило, на основании традиции или демократического выбора. Собственно, в нашем случае цель большой стратегии Путина была определена как раз на основании традиции, как видно из его высказываний, а в 2014 году была подтверждена демократическим путем («крымский консенсус»). Цель – возвращение России статуса мировой державы и, соответственно, изменение глобального мирового порядка.

Что касается интегрального характера большой стратегии, то он представляется мне очевидным. Понятно, что для ее реализации необходимо не только задействовать все ресурсы, которые есть в наличии, но и изыскать (или создать) те, которых на текущий момент нет. Это значит, что в рамках большой стратегии реализуются все остальные – локальные по отношению к ней – стратегии: геополитическая, военная (безопасности), экономическая, социально-политическая, культурная, технологическая, информационная и др. И все эти локальные стратегии в предельно сложной системе взаимодействия (синхронного и диахронного) обеспечивают реализацию большой стратегии.

Не будем здесь описывать дискуссию между теми, кто считает большую стратегию исключительно военной, и теми, кто трактует ее расширительно, для кого большая стратегия имеет преимущественно политическое измерение. Просто приведу пару определений, с которыми согласен и которые, делая акцент на интегральном характере большой стратегии, помогут нам понять, или, точнее, расшифровать, большую стратегию президента Путина. Известный британско-американский историк Пол Кеннеди пишет: «Вся загадка и проблема большой стратегии заключается в политике (policy), то есть в способности высшего политического руководства консолидировать и применять все военные и невоенные элементы мощи государства в целях защиты и продвижения в условиях мира и войны долгосрочных государственных интересов»¹¹.

Схожим образом определяется большая стратегия на энциклопедическом сайте Оксфордского университета: «Большая стратегия – это высший уровень государственного управ-

¹⁰ Клаузевиц так определяет «трение» на войне: «Все на войне очень просто, но эта простота представляет трудности. Последние, накапливаясь, вызывают такое трение, о котором человек, не видавший войны, не может иметь правильного понятия... под влиянием бесчисленных мелких обстоятельств, которых письменно излагать не стоит, на войне все снижается, и человек далеко отстает от намеченной цели... Военная машина – армия и все, что к ней относится, – в основе своей чрезвычайно проста, и потому кажется, что ею легко управлять. Но вспомним, что ни одна из ее частей не сделана из целого куска; все решительно составлено из отдельных индивидов, каждый из которых испытывает трение по всем направлениям... Это ужасное трение, которое не может, как в механике, быть сосредоточено в немногих пунктах, всюду приходит в соприкосновение со случайностью и вызывает явления, которых заранее учесть невозможно, так как они по большей части случайны». Клаузевиц, Карл фон. Перевод: Рачинский А. Глава VII. Трение на войне.

¹¹ Kennedy Paul. «Grand Strategies in War and Peace: Towards a Broader Definition» in *Grand Strategies in War and Peace*, ed. Paul Kennedy (Yale University Press, 1992). P. 5.

ления, на котором определяется, каким образом государства или иные политические единицы (имеются в виду военно-политические союзы. – **А. К.**) распределяют приоритеты и мобилизуют военные, дипломатические, политические, экономические и иные источники власти для обеспечения того, что они воспринимают как свои интересы». Стоит добавить, что большие стратегии могут быть у всех государств. Просто у одних интересы связаны с выживанием, а у других – с формированием приемлемого для себя мирового порядка и со своим местом в нем. В этой связи традиционно понятие большой стратегии связывалось с такими державами, как Великобритания, Франция, Германия и Российская империя до Первой мировой войны; Германия, Великобритания, СССР и США до Второй мировой войны; США и СССР во время холодной войны; США, Евросоюз, а потом Китай и Россия после холодной войны.

Теперь самое время задаться вопросом: а не придумал ли я все эти расклады о «самодержавности», могуществе и большой стратегии за Владимира Путина? Есть ли у меня хотя бы косвенные доказательства того, что в начале своего правления Путин решил вопрос о выборе большой стратегии? Во-первых, могу сказать даже про вероятное его знакомство со взглядами Петра Струве. Мы знаем, что Путин много читает книг по истории, а история человечества – это история больших проектов и, следовательно, больших стратегий. Кроме того, мы достоверно знаем, что Путин хорошо знаком с творчеством (в том числе с государственным творчеством) Петра Столыпина (1862–1911) и с работами «белого философа» Ивана Ильина (1883–1954), а два этих имени, взятые в контексте, подразумевают третье – Петра Струве. Именно Струве теоретически и диалогически обосновал программу преобразования (большую стратегию) Столыпина «Великая Россия», и именно Струве был старшим идейным товарищем и собеседником Ивана Ильина в период эмиграции, когда они оба (вместе с Семеном Франком и др.) участвовали в разработке теоретических основ нового идейно-политического направления – либерального консерватизма, близкого самому Владимиру Путину, как я покажу ниже¹².

Во-вторых, что касается доказательств, хочу напомнить о статье самого Владимира Путина «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованной буквально накануне того дня, когда Ельцин ушел в отставку и передал Путину бразды правления страной. Сразу скажу, что это одно из самых важных выступлений Путина за 20 лет и при этом одно из самых недооцененных и даже незамеченных. О значении этой статьи для понимания собственно идеологии Путина – далее в этом сборнике. А сейчас посмотрим, что говорит будущий президент накануне прихода к власти о могуществе и большой стратегии.

Для начала мы видим, что Путин вполне осознает не только тот факт, что Россия лежит в руинах, но и то, что любое внутреннее потрясение приведет страну к гибели и даже исчезновению: «Терпение и способность нации к выживанию, равно как и к созиданию, находятся на пределе истощения. Общество просто рухнет – экономически, политически, психологически и морально». И это внутреннее балансирование на грани краха имеет для Путина и внешнее измерение: «Пожалуй, впервые за последние 200–300 лет она (Россия. – **А. К.**) стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира». Это для Путина – и для русского народа, о чем Путин точно знает, – неприемлемая перспектива. Причем если мы обратим внимание на эти даты – 200–300 лет, – то поймем, что отсчет Путин ведет от эпохи Петра Великого, когда Российская империя мощно вторглась в европейскую борьбу за гегемонию, похоронив по ходу своего шествия гегемонистские амбиции двух сильных на тот момент игроков – Швеции и Польши. А в периоде плюс-минус 200 лет Россия вывела на периферию европейской политики еще одного потенциального гегемона – Османскую империю – и довела свое собственное влияние до того уровня, когда «ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без разрешения Петербурга». К этому же периоду – около 190 лет – относится поворотный момент, когда Россия впервые сначала остановила, а потом сокру-

¹² См. в этом сборнике лекции «Идеология партии Путина».

шила совокупную военную и экономическую мощь Европы (Отечественная война 1812 года). Из этих исторических отсылок становится ясно, на какие исторические образцы ориентировался Путин.

Таким образом, можно констатировать, что еще накануне прихода к власти Владимир Путин осознавал ту дилемму, которую сформулировал за 90 лет до этого Петр Струве: если государство не обеспечивает себе «самодержавного» (суверенного) статуса и не стремится к могуществу¹³, имеющему внешнее измерение (возвращение в первый эшелон государств мира), то оно станет «добычей» для других государств, обладающих могуществом.

Тут, правда, стоит напомнить, что у Струве был еще один вариант исхода для слабого государства: сохранить, пусть и частично, свое суверенное положение слабое государство может в том случае, если оно «ограждено противоборством интересов государств сильных». Образцы такого позиционирования по существу слабых государств мы можем в изобилии наблюдать не только в истории, но и в наши дни: Польша, «играющая» на противоборстве интересов США, Евросоюза и России; Украина (как и многие другие постсоветские государства), пытавшаяся играть такую роль после госпереворота 2014 года. Надо признать, что некоторые не очень дальновидные (или не очень добросовестные) исследователи, как западные, так и наши доморожденные, пытаются загнать Россию в прокрустово ложе слабого государства, ограниченный суверенитет которого огражден интересами могущественных США и КНР. Чего не учитывают эти исследователи и о чем достоверно знал Владимир Путин уже в 1999 году, так это то, что державность и участие в принятии решений в мировой политике заложены в цивилизационный код русского народа. Вот что в цитируемой статье пишет об этом сам Путин: «Россия была и будет оставаться великой страной. Это обусловлено неотъемлемыми характеристиками ее геополитического, экономического, культурного существования. Они определяли умонастроения россиян и политику государства на протяжении всей истории России. Не могут не определять и сейчас». Как говорится, все точки над «i» расставлены. Это значит, что условно третий путь – слабого государства, огражденного интересами сильных государств – для России неприемлем и равносителен тому, чтобы стать «добычей».

Из приведенных слов самого Владимира Путина, сказанных накануне его прихода к власти, можно сделать вывод, что мои (и Струве) рассуждения о могуществе и большой стратегии не приписаны ему механически и необоснованно. А если так, то давайте посмотрим, как без пяти минут верховный правитель России предлагал выйти из тяжелейшего кризиса, охватившего все стороны государства и грозившего отбросить Россию во второй, а то и в третий эшелон государств мира. То есть давайте посмотрим, что Путин тогда говорил о большой стратегии реванша.

В первую очередь на фоне очевидных уже тогда больших стратегий могущественных государств и союзов – США, КНР и Евросоюза, а также на фоне тяжелейшего системного кризиса в самой России Путин определяет свою исходную позицию: «Положение действительно сложное. Однако отпевать Россию как великую державу, мягко говоря, преждевременно». В чем со стратегической точки зрения Россия «просела» в 1990-е годы? «На протяжении всех этих лет, – пишет Путин, – мы двигались как бы ощупью, наугад, не имея четких представлений об общенациональных целях и рубежах, которые обеспечат России положение высоко-развитой, процветающей и великой страны мира». В противоположность предшественникам Путин с самого начала заявил, что собирается «предложить народу стратегию возрождения и расцвета России».

Тут надо сделать отступление и провести важное различие, без которого мы все время будем путаться в предмете нашего исследования и перескакивать с одного уровня на другой. Несмотря на то что в рассматриваемой статье Владимир Путин несколько раз говорит о «стра-

¹³ У Путина в цитируемой статье – «державная мощь».

тегии», эти слова по большей части никакого отношения не имеют к тому, что принято называть «большой стратегией». Путин в основном ведет речь о «долгосрочной общенациональной стратегии развития», которая имеет прежде всего социально-экономическое измерение, а «большая стратегия» реализуется на уровне взаимоотношений между государствами, борющимися за могущество, то есть представляет собой высший и окончательный уровень стратегии в целом. Воспользуюсь одной из формулировок известного исследователя стратегий Эдварда Люттвака: «Независимо от того, как мы видим большую стратегию – статически, как здание, или динамически, как нечто вроде очень сложно устроенного фонтана, – она представляет собой заключительный уровень, на котором все, что происходит на вертикальном и горизонтальном измерениях, наконец-то сходится воедино, чтобы определить итоги»¹⁴.

В отношении большой стратегии Путин просто заявляет, что она будет. Слова о «возрождении и расцвете России», о возвращении ее в «первый эшелон» государств в статусе мировой державы – это обещание. А в остальном Путин говорит о «долгосрочной стратегии развития», которая должна обеспечить России ресурсы для реализации большой стратегии – стратегии реванша. Впрочем, еще несколько важных слов прозвучали уже тогда, и они дают нам направление для того, чтобы расшифровать основные параметры большой стратегии Путина.

На первый взгляд слова о поиске «своего пути» являются просто полемическим пассажем, направленным против идеологов 90-х годов. Путин даже уточняет, что «простой перенос на российскую почву абстрактных моделей и схем, почерпнутых из зарубежных учебников», а также «механическое копирование опыта других государств» неприемлемы, так как связаны с «чрезмерными издержками». Однако эти слова можно прочесть и по-другому. Не исключено, что уже тогда Путин понимал, что с чрезмерными издержками связан выбор большой стратегии в рамках вообще западного паттерна. Ниже я вернусь к этому предположению.

Итак, фактически пообещав России большую стратегию реванша, Путин возвращается на оперативный уровень и говорит о долгосрочной стратегии, задача которой – преодоление в короткие сроки затянувшегося кризиса и создание предпосылок для быстрого социально-экономического развития страны. Путин настаивает на скорости, так как времени у страны нет. Почему? Потому что большая стратегия, которую собирался реализовывать Путин, неизбежно должна была отразиться, проявить себя в тех изменениях, которые ждали страну, а значит, по этим косвенным признакам не только друзья, но и недруги с конкурентами должны были увидеть: Россия возвращается в «Большую игру» со своей большой стратегией. А это в свою очередь означало раньше времени спровоцировать недругов и конкурентов на контрмеры. Впрочем, это уже разговор о большой стратегии, а мы пока вернулись на оперативный уровень долгосрочной стратегии развития.

Путин пишет в статье, что разработка стратегии развития уже началась и что эта стратегия рассчитана на 15–20 и более лет. Замечу в скобках, что как раз накануне нового 2020 года исполнится 20 лет с того момента, как Путин объявил о разработке стратегии развития. В ее рамках краеугольным камнем является социально-экономическая стратегия роста, которую Путин рассматривает под всеми углами зрения. И делает важнейшую ремарку: «Убежден, что достижение необходимой динамики роста – проблема не только экономическая. Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная. Причем последний аспект на современном этапе мне представляется особенно значимым с точки зрения консолидации российского общества». Это важнейшее признание. В нем сразу сосредоточено несколько смыслов. Для начала Путин признает, что идеология стране нужна, но с оговоркой, что не «государственная идеология», а идеология, построенная на базовых (традиционных) ценностях, и, опять же, не «государственная», а скорее доминирующая. Предложенная властью (об инициативной роли власти в

¹⁴ Люттвак Эдвард Н. Стратегия: Логика войны и мира. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. С. 269.

этих вопросах Путин тоже не забыл упомянуть в статье) и свободно воспринятая большинством. И эта идеология является одним из ключевых условий реализации большой стратегии реванша, потому что только при наличии свободного союза большинства и верховной власти можно выйти на решение таких глобальных задач. Согласитесь, если верховная власть ставит своей задачей возвращение России статуса мировой державы, а большинство населения видит свое будущее в параметрах «маленькой европейской страны», то шансов быть реализованной у такой большой стратегии нет. Именно поэтому я заявляю, что идеология у Путина была с самого начала, с момента его прихода к власти. Просто он отказался от того, чтобы декларировать ее в рамках какого-то единого документа. Подобная декларация в условиях расколотого общества принесла бы больше вреда, чем пользы. Но, с другой стороны, Путин и без бумаги вполне убедительно показал России и всему миру, что идеология у него есть, и все это понимают. Впрочем, именно об этом другие материалы сборника.

Надо признать, что все сказанное о стратегии роста имеет к большой стратегии, призванной обеспечить внешнее могущество, лишь опосредованное отношение. Речь здесь идет о том, что для успешной реализации большой стратегии нужен крепкий тыл. То есть если еще раз ненадолго вернуться к идеям Петра Струве, «оселком и мерилom всей так называемой “внутренней” политики, как правительства, так и партий, должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует так называемому внешнему могуществу государства?»¹⁵. Разумеется, как напоминает Струве, внешним могуществом смысл существования государства не исчерпывается. Однако в нашем полном борьбы мире, где выбор стоит между тем, чтобы быть могущественным, и тем, чтобы стать добычей, «в этой внешней мощи заключается безошибочное мерило для оценки всех жизненных отправлений и сил государства, в том числе и его “внутренней” политики»¹⁶.

Повторюсь еще раз: стратегия социально-экономического развития страны имеет к большой стратегии лишь опосредованное отношение, являясь для нее частью фундамента и ресурсом. И у этих стратегий есть принципиальное различие. Если социально-экономическая стратегия является открытой и публичной, поскольку призвана задавать общие правила игры всем участникам, то большая стратегия, напротив, скрыта от глаз не только врагов, но и друзей (которые завтра могут стать врагами в этом жестоком мире). Это в полной мере можно отнести к большой стратегии Владимира Путина. Она для всех является **MAGNUM MYSTERIUM**.

Можно сказать, что, например, большая стратегия США на виду, и спросить в этой связи, почему Путин хранит свою большую стратегию в тайне? Ответ, как ни странно, простой. Если Путин раскроет секрет своей большой стратегии или хотя бы ее ближние и дальние цели, то он... проиграет. Поскольку успех его большой стратегии зависит как раз от того, насколько она останется тайной для всех. Могу привести конкретный пример, чтобы это обстоятельство стало более понятным. Возьмем Украину и Донбасс. Кто может сказать, что знает планы и стратегию Путина в отношении них? Никто. А если, например, Путин публично заявит, что собирается в обозримом будущем присоединить к России Донбасс, а потом – после периода распада – по частям всю Украину, станет ли проще достигать этих стратегических целей? Конечно, нет, так как все враги, оппоненты и даже слишком осторожные друзья будут понимать, куда направить контрудары, чтобы сломать Путину его «Большую игру». Так что следует признать, что Путин был очень хорошим разведчиком, прошедшим отличную школу.

¹⁵ Струве П. Б. Указ. соч. С. 52.

¹⁶ Несмотря на то что теоретические разработки Струве имеют столетнюю давность, не стоит воспринимать их как анахронизм. Для того времени – не только в России, но и в Европе – эти работы имели поистине новаторское значение. Стоит заметить, что подобные идеи лишь спустя почти 70 лет получили развитие в западной науке. Я имею в виду «мир-системный анализ» Иммануила Валлерстайна, который убедительно показал мир-системную перспективу, когда весь мир выступает как системное и структурное целое, законы которого – а не наоборот! – определяют траектории движения всех отдельных национальных обществ и государств (впервые указал на близость идей Струве и Валлерстайна академик Ю. С. Пивоваров).

А теперь мы возвращаемся к Путину накануне 2000 года. Он уже принял решение вернуть Россию в «Большую игру» и, значит, начать реализацию своей большой стратегии. Как я уже говорил, цели для большой стратегии ставятся на основании традиции, а сама она является инструментом достижения цели. Но инструменты эти не заданы изначально для любой страны. Их надо вырабатывать и все время совершенствовать. Так вот, для создания такой большой стратегии нужны были образцы, и я уверен, что сначала Путин выбрал тот, который, условно говоря, был ближе всех. Это была, если обобщенно, «западная» стратегия – та, которая зародилась еще в Римской империи, потом стала фундаментом для европейской, а впоследствии – и сегодня – для американской большой стратегии.

Эдвард Люттвак, обсуждая византийский трактат IX века о военно-морском деле, описывает для контраста именно римскую стратегию: «Выследить основной флот врага и атаковать его всеми имеющимися в распоряжении кораблями, чтобы одержать решающую победу, – такова была единственно достойная цель военно-морского дела для Нельсона¹⁷, как ее сухопутный эквивалент – для Наполеона и Клаузевица, а также для всех, кто следовал им вплоть до нынешнего дня. Эту основополагающую предпосылку разделяли и римляне, жившие в единой империи»¹⁸. Квинтэссенцией этой «западной» стратегической матрицы стали труды военного стратега Карла фон Клаузевица (1780–1831), которого я уже упоминал. В своем трактате «О войне» Клаузевиц писал: «Война есть не что иное, как расширенный поединок. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных поединков, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить свою волю; его *прямая* цель – *сокрушить* противника и тем самым сделать его не способным ко всякому дальнейшему сопротивлению. Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю».

Тут как бы все на своих местах и не требует дополнительных разъяснений. Найти, сокрушить, принудить, подчинить. Единственное, что требуется добавить, это то, что Клаузевиц придавал решающее значение генеральному сражению, которое есть «бой главной массы вооруженных сил с полным напряжением сил за полную победу». Более того, как был уверен Клаузевиц и все, кто следовал по его следам, только великие решительные победы ведут к великим решительным результатам, а «великое решение – только в великом сражении». То есть необходима предельная концентрация всех наличествующих ресурсов – человеческих, материальных и моральных – для того, чтобы одержать победу над врагом в решающем, генеральном сражении. Или, соответственно, потерпеть поражение.

Здесь вполне можно увидеть стратегию США в нынешних обстоятельствах. Концентрация огромных ресурсов – военных и невоенных – в той или иной точке мира, которую американцы присваивают как «зону стратегических интересов США», и нанесение решающего удара. На самом деле в международной политике США пользуются той же стратегией: концентрация ресурсов – политических, финансовых, информационных и т. д. – на одном направлении и «передавливание» ситуации в свою пользу.

Тот факт, что Путин отрицал возможность развития России по зарубежным (подразумевается – западным) моделям и схемам, не противоречит моему предположению о том, что в начале пути он выбрал именно западную стратегию как образец. Просто первоначальный отказ от механического переноса западных моделей на российскую почву подразумевал оперативный уровень и касался прежде всего экономики и внутренней политики. Переход на уровень большой стратегии делал разговор о механических заимствованиях излишним – на уровне боль-

¹⁷ Адмирал Нельсон.

¹⁸ Люттвак Эдвард Н. Стратегия Византийской империи. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 365.

шой стратегии совсем другие критерии. К тому же речь шла не о механическом переносе, а о концептуальном восприятии.

Чем подкрепляется мое предположение о первоначальном выборе Путина? Мы все помним, как начиналась «эпоха Путина» в мировой политике. На какое-то время, после небольшой паузы, сложилось впечатление, что у Путина с Западом «медовый месяц». Особенно важен был 2001 год, когда произошли знаковые и оставшиеся в памяти события. Первый «западный» визит в Москву Тони Блэра, выступление Путина в бундестаге на немецком языке и овации тамошних депутатов, летом две встречи подряд с новым американским президентом Джорджем Бушем-младшим. После встречи в Любляне Буш заявил, что заглянул в глаза Путину и увидел в них – как будто с удивлением – душу, а спустя короткое время в Генуе президенты договариваются возобновить диалог по всем векторам взаимодействия. В международных делах повеяло разрядкой и новой эпохой. Потом был страшный для Америки день – 11 сентября, атака террористов и гибель огромного количества людей – и звонок Путина, который стал поводом к беспрецедентному сотрудничеству между Россией и США в борьбе с международным терроризмом. Казалось, Москва и Вашингтон нашли-таки общего врага и отношения между странами пойдут в рост. В ноябре Путин летит с визитом в США, где они с Бушем делают нашумевшее совместное заявление о новых отношениях и о том, что между Россией и Штатами отсутствуют принципиальные идеологические и социально-экономические различия.

Но различия были, и как раз в области большой стратегии. Вашингтон не собирался отказываться от большой стратегии однополярного мира с единственным гегемоном – США, а Путин не только в статье, которую мы анализировали, но уже и в официальных документах (Концепция внешней политики РФ, 2000) зафиксировал цель своей собственной большой стратегии: Россия – великая мировая держава, участвующая в установлении нового мирового порядка. Таким образом, налицо было совпадение целей в стратегиях разных субъектов, а это всегда является основой для конфликта.

«Медовый месяц» с Соединенными Штатами закончился быстро – в декабре того же 2001 года, когда США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, который был краеугольным камнем стратегической стабильности. Путин говорил об этом с Бушем на встречах в Любляне и Генуе летом, во время визита в Штаты осенью, разъяснял последствия, пытался втолковать, что это решение разрушит ядерный баланс и похоронит концепцию взаимного сдерживания и что он – Путин – должен будет ответить. Президент России выражал сожаление, но США вышли из договора бесповоротно и без учета аргументов российской стороны.

Я уверен, что именно в том декабре Путин понял, что с Западом России не по пути, хотя «медовый месяц» с Европой длился чуть дольше – до 2003 года. Стало ясно, что Запад по собственной воле не пустит Россию в «клуб великих держав» и что за так раздражавшим Евгения Примакова «менторским» тоном Вашингтона по отношению к России стоит не личная позиция того или иного президента США, а их большая стратегия создания однополярного мира с США в качестве единственного гегемона, когда фактически весь мир объявлялся «зоной стратегических интересов США». И это стало для Путина поводом, чтобы снова задуматься о большой стратегии, притом что цель ее оставалась прежней: возвращение России признанного статуса великой державы и ее непосредственное участие в формировании нового – многополярного и более справедливого – мирового порядка. Однако понимание того, что Запад не видит Россию своей равноправной частью, еще не означало отказа от западной – то есть по происхождению римской – большой стратегии как образца. В смене образца сыграли роль другие факторы.

Что же заставило Путина отказаться от западного паттерна в формировании своей большой стратегии? Первоначальным импульсом, скорее всего, стало разочарование Западом, осознание того, что Запад эгоистичен и никогда не допустит Россию как равноправного партнера к формированию новой архитектуры международного порядка. Но это, хоть и принципиально

важные, – эмоции. Что касается большой стратегии, то в рамках западного паттерна следовало начать подготовку к симметричному ответу. То есть в рамках западной – римской – стратегии надо было готовиться к тому, чтобы вернуться в число мировых держав вопреки желанию Запада – «продать» Россию в первый эшелон государств. Тут невольно вспоминается опыт Петра Великого (в симпатиях к нему Путин неоднократно признавался), который не только «прорубил окно» (подчеркну: не открыл дверь, а «прорубил окно») в Европу, но и силой заставил тогдашний Запад считаться с интересами России. Однако тут же возникает вопрос: какой ценой? Во-первых, путем прямого военного столкновения, а во-вторых – ценой невероятного перенапряжения всех сил страны и фактически репрессий. В целом схожим путем шел к статусу мировой державы спустя двести с лишним лет Сталин – и тоже ценой страшного перенапряжения на грани гибели всей страны и репрессий.

Такой путь Путин считал неприемлемым. Сначала по умолчанию, а потом и открытым текстом президент России заявлял, что хочет модернизировать страну и вернуть ей статус мировой державы без репрессий и без перенапряжения сил, которого народ может просто не выдержать. Однако при этом Путин не мог не осознавать слабость России. Симметрично противостоять Западу в начале нулевых годов Россия была не в состоянии. Из того, с чем Запад не мог не считаться, оставалось только ядерное оружие. И оно было едва ли не единственным аргументом. Впрочем, уже предшественник Путина пытался разыграть эту карту, пусть и весьма безалаберно: в военной доктрине 1995 года упор делался как раз на стратегические ядерные силы и была впервые сформулирована возможность нанесения первыми ядерного удара в случае истощения других ресурсов для сохранения независимости и суверенитета России. Такого даже СССР себе не позволял.

В том состоянии, в котором Путин принял Россию – расколотовость общества, оккупированная и разрушенная экономика, деморализованная и плохо вооруженная армия, – реализация большой стратегии в рамках западного паттерна означала столкновение с Западом «лоб в лоб», то есть начало «горячей» войны с высокой вероятностью (как раз учитывая слабость России) быстрого перехода в стадию ядерного конфликта. Не думаю, что Путин хоть на секунду рассматривал такой вариант как возможный, хотя бы потому, что он вообще человек не очень воинственный. С другой стороны, дела могли сложиться таким образом, что иного выхода и не оставалось бы. А мы помним отношение Путина к тому, что может случиться глобальная ядерная катастрофа, в которой погибнет весь мир: «Зачем нам мир, если в нем не будет России?»

Здесь я хочу сделать одно допущение, которое не смогу доказать, но которое поможет объяснить отказ Путина от западной стратегической модели и поиск им альтернативных образцов. Я понимаю, что Путин не мог в то время прочесть книгу Рене Жирара «Завершить Клаузевица», которая вышла только в 2007 году и стала для этого философа и богослова своего рода завещанием. Но я вполне могу предположить, что Путин увидел в трактате Клаузевица «О войне» – базовом для понимания большой стратегии Запада – то же, что увидел там Рене Жирар: «*Возможный* конец Европы, конец западного мира и мира в целом»¹⁹. Этот апокалиптический вывод Жирар сделал из того концепта «абсолютной войны», на который указал, но от которого ушел Клаузевиц. Для того чтобы увидеть «формулу апокалипсиса» в книге Клаузевица, достаточно прочесть ее из дня сегодняшнего как актуальный, а не исторический текст, не утешая себя просвещенческой верой в то, что «худшего можно еще избежать и что “сдерживание” будет неизменно торжествовать»²⁰. Напомню, что писал Клаузевиц: «Война является актом насилия, и *применению его нет предела*; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей». То есть в условиях «чистой», «абсолютной» войны до полного вза-

¹⁹ Жирар Р. Завершить Клаузевица. М.: ББИ, 2019. С. 1.

²⁰ Там же. С. 8.

имоуничтожения. «Дайте в руки воюющим ядерное оружие, – «завершает» Клаузевица Рене Жирар, – и не будет больше не только самой этой группы, но и целой планеты»²¹.

Есть у Клаузевица в начале первой главы место, где он пытается доказать (сам испугавшись бездны, в которую заглянул), что в реальной жизни «абсолютная» война невозможна, но в XXI веке мы понимаем, что это не так. «Совершенно иная картина, – пишет этот великий стратег почти двести лет назад, – представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. <...> Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в том случае:

1) если бы война была совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью;

2) если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных столкновений;

3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение, то есть заранее не подчинялась бы влиянию того политического положения, которое сложится после ее окончания».

Ну так нам в XXI веке нетрудно представить себе эти «условия апокалипсиса» выполненными. Если: 1) роль волшебника исполняет искусственный интеллект; 2) решающим моментом становится взаимный – то есть одновременный – ядерный удар; 3) после него никакой политики уже не будет, то есть это именно «окончательное решение». Для всей планеты.

Если предположить, что Путин именно в таком апокалиптическом свете воспринимал возможный ядерный конфликт между Россией и США и при этом понимал, что симметричный – в логике западного, римского паттерна – ответ Западу неизбежно приведет к этому конфликту, то он должен был искать альтернативу. А для этого в свою очередь нужно было выйти не только из западного паттерна, но и за границы западной ментальности – осознать новую идентичность. Возможно, евразийскую, но это будет позже.

О том, когда Путин разочаровался в Западе, спорят до сих пор и будут спорить. Кто-то говорит, что еще в 1990-х, кто-то – что в 2014–2015 годах. Мне кажется, что этот момент для Путина наступил в декабре 2001-го. Тогда, когда США, не реагируя (!) на аргументы Путина, вышли из договора по ПРО. Хотя не исключено, что и раньше, ведь Штаты не скрывали своего желания выйти из договора, нарушая тем самым баланс ядерных сил и в перспективе делая Россию не только слабой, но и уязвимой, а то и беззащитной. Так что я не знаю, что на самом деле увидел Буш-младший в глазах Путина (говорил, что душу), но догадываюсь, что сам Путин в глазах американского президента увидел войну. А не дружбу, сотрудничество и единство, которые были лишь на словах. И как только Путин понял, что война – «горячая», «холодная», экономическая, кибернетическая, информационная, гибридная или иная – это лишь вопрос времени, именно время стало для него главным ресурсом и главной задачей. Нужно было время для того, чтобы изменить баланс сил и достичь цели. Поэтому начало возвращения России на мировую арену в качестве ведущего игрока прошло под лозунгами князя А. В. Горчакова (1798–1883): «Россия сосредотачивается», и П. А. Столыпина (1862–1911): «Дайте Государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

Дело было за малым. Надо было выбрать другую – вне рамок западного паттерна – большую стратегию, чтобы остановить гегемонистские устремления США и при этом вернуть Россию в клуб великих держав. Но начать надо было с другого – с самоопределения. Отказавшись от западного уклона, следовало восстановить равновесие внутри себя. И простой перенос активности на Восток (Китай, Индия), как предлагали многие авторитетные политики и эксперты, не решал эту проблему, так как менял один уклон на другой – западный на восточный. Для того чтобы маятниковая дипломатия принесла стратегический успех, нужно было сначала

---

²¹ Там же. С. 33.

найти центр тяжести. И тут я сделаю еще одно предположение, которое необходимо для придания теме метафизического и даже отчасти религиозного измерения. Общеизвестен тот факт, что в самом начале своего пути верховного правителя России Путин посетил в известной всему православному миру Псково-Печерской лавре прозорливого старца отца Иоанна (Крестьянкина). Известно также, что Путин провел в келье отца Иоанна много времени. Менее известен тот факт, что после долгой беседы невероятно уставшим выглядел именно отец Иоанн, а не Владимир Путин. Это значит, что говорил в основном старец, а не президент. А раз так, то мы можем предположить, что среди прочего Путин мог спросить у отца Иоанна совета (а зачем еще православные люди ходят к старцам?) как раз насчет того, в какую сторону лучше вести Россию – на Запад или на Восток? Если Путин спросил об этом отца Иоанна, то из того, что известно о взглядах старца, можно предположить, что он посоветовал не водить Россию ни туда, ни туда. Божественный замысел о России и ее призвании заключается в ней самой. Так что надо прекратить качаться то на Запад, то на Восток и обрести духовное равновесие, став обеими ногами посреди России и сделав ее центром тяжести и, соответственно, точкой равновесия мира. А сделать это можно только опираясь на двухтысячелетнюю традицию православия, то есть на традиционные ценности.

О содержании той знаменательной первой беседы с отцом Иоанном Владимир Путин когда-нибудь расскажет сам. Или не расскажет. Но факт остается фактом: разочаровавшись в Западе, то есть будучи обманутым им, Путин не повел страну на Восток. Сохраняя традиционную для России многовекторную дипломатию, Путин решил «вернуться домой», в Россию, и оглядеть мир с этой оптикой. Именно утверждение России в центре Евразии (на языке классической геополитики – хартленда) придало ее положению устойчивость и сбалансированность. На самом деле Путин, уйдя от всяческих уклонов и «переделывания» страны, утвердил Россию в самом центре перекрестка между Западом и Востоком, Севером и Югом.

Интересно отметить, что утверждение Путиным России в ее евразийской самости (евразийском доме) не вызвало широкого отклика у российской интеллектуальной элиты (речь даже не о насквозь прозападной «интеллигенции»), за единичными исключениями. И это несмотря на то, что изменение геополитического позиционирования России было отмечено не только в риторике и повестке, но и в официальных документах.

Давайте посмотрим на то, как менялись формулировки внешнеполитических задач в «концепциях внешней политики Российской Федерации» на протяжении полутора десятков лет. Помня при этом, что Путин всегда лично принимает участие в подготовке таких стратегически важных документов и сам делает последнюю редакцию. В Концепции внешней политики, подписанной Путиным летом 2000 года, отражен как раз тот подход в рамках западного паттерна, а которым я писал выше. С одной стороны, «не оправдались некоторые расчеты, связанные с формулированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, как это предполагалось <...> в 1993 году». Причем эта ситуация описывается в формате «новых вызовов и угроз национальным интересам России». А далее указывается конкретный «адрес» этой угрозы: «Усиливается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. При решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава...».

Что же предполагается сделать, чтобы противостоять указанной угрозе в 2000 году? Ответить симметрично, то есть, несмотря на встречное движение (давление) Запада, ставится задача: «Обеспечение <...> прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как великой державы». Приходится признать, что стремление вернуть Россию в разряд мировых держав на фоне движения США (и Запада в целом) к мировой гегемонии напоминает движение двух поездов навстречу друг другу по одним и тем же рельсам. Кстати, в Концепции внешней политики 2000 года еще

указывается, что «Россия будет добиваться сохранения и соблюдения Договора от 1972 года об ограничении систем противоракетной обороны – краеугольного камня стратегической стабильности».

Однако в последующих редакциях Концепций внешней политики формулировки, по которым можно обнаружить скрытые параметры большой стратегии Путина, меняются. В-первых, уже в 2013 году исчезает определение России как «мировой державы». И это, конечно, симптоматично. Разумеется, Путин – и это показывает вся история последних 20 лет – не отказался от своей цели, сформулированной еще 30 декабря 1999 года накануне прихода к власти. Просто большая стратегия начала меняться, но об этом ниже. А пока вернемся к текстам Концепции внешней политики. Отмечу, что поменялось формулирование геополитического положения России. Это к вопросу о возвращении в свой «евразийский дом», поиске центра тяжести и, соответственно, равновесия. Уже в Концепции внешней политики в редакции 2013 года появляются новые концептуальные формулировки: «Внешняя политика России... характеризуется последовательностью и преемственностью и отражает *уникальную, сформировавшуюся за века*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.